

**ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ
НАУЧНОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ: ПЕРСПЕКТИВЫ
ФИЛОСОФСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Онтология, теория познания, эпистемология, философия науки

АННОТАЦИЯ. В статье анализируются онтологические основания научной рациональности и проблемы соизмеримости научных парадигм.

Borisov Sergei Valentinovich

**ONTOLOGICAL BASES OF SCIENTIFIC
RATIONALITY: PROSPECTS OF PHILOSOPHICAL
RESEARCH**

KEY WORDS: Ontology, theory of knowledge, epistemology, philosophy of science

ABSTRACT. In article are analyzed the ontological bases of scientific rationality and a problem of commensurability of scientific paradigms.

Предметом интереса философии науки являются, прежде всего, сущностные тенденции научного познания, коренящиеся в базовых представлениях о реальности, которые для многих парадигм служат объектом веры, аксиомами научных доказательств, но которые остаются до конца не познанными (онтологический аспект). Также философия может осуществлять рефлексию над стилями и способами рациональности «нормальной науки», за пределами ее привычного

языка на уровне своего метаязыка (эпистемологический аспект).

Рождение стиля мышления классической науки можно считать наглядным примером, демонстрирующим несоизмеримость методологии аристотелевской натурфилософии и экспериментально-математических методов. В связи с этим можно обнаружить, что именно эмансипация от традиционных авторитетов, в особенности от парадигмы натурфилософии Аристотеля, изменение стиля мышления привело к развитию количественно ориентированных методов, радикально меняющих картину космоса и природы. Интуитивно это вполне понятно, однако само по себе накопление эмпирических данных, их продуманная систематизация, использование измерения, подсчета, взвешивания еще не дает ясные и точные критерии знания. Поэтому необходимо видеть глубинные «онтологические сдвиги», связанные с самой возможностью идеализации пространства-времени. Таким образом, важной задачей становится теоретическое обоснование того, что «онтологический сдвиг», связанный с установкой и тематизацией чистых сущностей и конструкций ведет впоследствии к «чистой» и прикладной геометрии, поскольку практика измерения осуществляется на основе идеальных сущностей и идеальных конструкций, построенных с их помощью.

Еще один «онтологический сдвиг», нуждающийся в обосновании, обнаруживается в отношении к чувственно измеряемым данным опыта. Хотя, используя арсенал классической науки, можно получить лишь эмпирически-неточные величины и количества, эмпирические методы исследования, например, измерение, становятся областью постоянного совершенствования. Таким образом, мы имеем дело не просто с использованием уже найденного метода, а с методом, кото-

рый постоянно сам себя улучшает. Следовательно, речь идет, прежде всего, о смене понятийного аппарата науки.

Еще один «онтологический сдвиг», нуждающийся в обосновании, связан с допущением классической наукой того, что математика может иметь самостоятельную эвристическую значимость. Известно, что именно математика стала для классической науки своего рода поводом в неизвестность. Однако необходимо выяснить, благодаря каким онтологическим изменениям она получила возможность не только уточнить и расширить знание явлений, доступных органам чувств, но и открывать явления, не воспринимаемые, но, тем не менее, получившие в науке статус реальных объектов.

Актуальным для дальнейшего рассмотрения становится следующий принципиальный вопрос: возможно ли с современных позиций до конца понять стиль мышления так называемых «революционеров» классической науки? Ясно, что осознать действительный масштаб «революции» невозможно, если не занять позицию стороннего наблюдателя. В связи с этим очевидно, что первые ученые не могли не разделять свойственные их эпохе натурфилософские представления. В таком случае, видимо, в самой господствующей тогда парадигме созрели предпосылки для ее последующего отрицания. Однако первоначально они представляли собой лишь разнообразные гносеологические «улучшения» традиционных, не подлежащих сомнению онтологических принципов схоластической натурфилософии. Следовательно, проводниками этих «улучшений» были не революционеры, но реформаторы. Гносеологическая несоизмеримость «улучшенных» теорий давала каждой из них равные шансы на выживание. Сомнения же никогда не касались онтологических основ парадигмы.

Для того чтобы обнаружить онтологическую несоизмеримость теорий, нужно «иметь перед глазами» несколько альтернативных парадигм или прошлое и будущее состояние той или иной парадигмы, следовательно, определение онтологической несоизмеримости – это всегда взгляд из будущего. Однако в связи с этим нужно разрешить еще один проблемный вопрос: на каком общем основании можно проводить корректное сравнение? Согласно нашей гипотезе таким онтологическим основанием может служить только принцип историзма, позволяющий видеть изменчивость там, где с точки зрения «нормальной науки» все статично.

Еще один «онтологический сдвиг», подлежащий исследованию, связан с переходом от сверхъестественного к естественному объяснению природы. Пытаясь уловить этот момент перехода, можно заметить, что постепенно в науке правила, которые участвуют в определении оснований естественных законов, впоследствии получают новый статус – статус эмпирического факта, поскольку применение этих правил неизменно приводит к одним и тем же результатам, хотя сами правила не зависят друг от друга. Следовательно, появляется возможность устанавливать эмпирическую истинность сделанных допущений, исходя из совпадения результатов. Так теории, соизмеримые по одному онтологическому основанию, постепенно становятся несоизмеримыми. Происходит переход из гносеологической в онтологическую плоскость рассмотрения теорий. Вспомогательные элементы теорий становятся главными, периферийные объекты приобретают статус центральных.

Переход от ньютоновской к квантовой механике вызвал много споров в философской литературе как вокруг природы, так и вокруг стандартов физики. Для нашего рассмотрения важно, что суть данных споров о стандартах, пра-

вомерных в науке (на онтологическом уровне), можно соотнести с более ранней серией дискуссий сторонников механики Галилея и Ньютона с аристотелианцами, картезианцами и лейбницианцами. Следовательно, когда ученые спорят о том, были ли решены фундаментальные проблемы в их области, поиски правил приобретают такое значение, которого эти правила, обычно не имели.

Причиной того, что в середине прошлого века «парадигмальные» споры захлестнули саму философию науки, является то, что философия не может претендовать на роль незаинтересованного арбитра в «споре факультетов» и у нее нет искомого универсального метаязыка, что и она заражена теми же «догматическими болезнями», что и научная методология. Данное утверждение можно обосновать на примере исследования несоизмеримых теорий в самой философии науки, которыми являются парадигмы реализма и эмпиризма. Можно увидеть принципиальную гносеологическую несоизмеримость этих точек зрения. Однако если посмотреть на этот спор с онтологических позиций, то на этом уровне можно прийти к снятию противоречий, например, если речь идет об онтологических принципах, на которых в этих парадигмах выстраивается картина мира. Таким образом, «тезис несоизмеримости» указывает не только на различия, но и на сходства. Несоизмеримость в одном вовсе не означает несоизмеримости в другом. Только поэтому теоретические споры могут быть плодотворными, а теоретические расхождения могут играть эвристическую роль, ведь они базируются на одних онтологических основаниях, например, что касается реализма и эмпиризма в философии науки – это классическая метафизическая вера в реальность мира, корреспондентская теория истины и т.д. Если же теории базируются на разных онтологических основаниях, то их несоизмеримость стано-

вится абсолютной. Их антиномичность – свидетельство того, что та или иная научная область стала «спорной территорией» их «сфер влияния».

Таким образом, исследование онтологических оснований научных теорий является своего рода предостережением от соблазна поспешной и поверхностной критики этих теорий без должного осознания оснований и пределов данной критики. Онтологическая укорененность предполагает самобытность любой теории, критика которой возможна только на основе принципа историзма. Наша гипотеза такова: если несоизмеримые с гносеологической точки зрения теории имеют одно онтологическое основание, то открывается возможность поиска их общего онтологического корня. Если же объектом нашего исследования оказываются онтологически несоизмеримые теории, то нам поможет их лучше понять свойственный им специфический стиль научной рациональности. В любом случае, речь идет о единстве, но данное единство имеет не узко-предметный, парадигмальный, а мета-предметный характер. Это дает возможность понимания и интерпретации научной рациональности, но не с нормативной позиции той или иной парадигмы, а с коммуникативной, культурно-исторической позиции.